

Григорий Зобин

ИВАНОВСКАЯ ГОРКА, или Площадь мучеников

Ещё с апостольских веков христиане знают, что кровь мучеников – это семя Церкви. Самым сильным свидетельством о Христе всегда была добровольно отданная за Него жизнь. Много мест есть на земле, которые хранят память о таких свидетельствах – от могил свв. апп. Петра и Павла в Риме до Соловецких островов и Бутовского полигона в Москве. Гонения, выпавшие на долю Русской Церкви со стороны безбожников, ни в грош не ставивших человеческую жизнь и готовых принести в жертву для осуществления своих химерных идеалов миллионы людей, превзошли по масштабности все прежние гонения на Церковь. Творцам «нового мира», задуманного, подобно Вавилонской башне, как знак самовозвеличивания и человекобожества, было ненавистно само имя Бога и те, для кого оно было свято. Не вписавшиеся в рамки идеологической системы подлежали или «перековке», или уничтожению. В результате «светлое будущее» обернулось самым мрачным настоящим, которое когда-либо знала мировая история. Но «свет во тьме светит, и тьма не объяла его» (Ин 1:5). Очаги мирного духовного сопротивления царящим в стране лжи и насилию продолжали существовать вопреки всему. Один из замечательных пастырей того времени, архим. Серафим Батюков, говорил своим духовным детям: «Я ушёл в катакомбы не для того, чтобы с кем-то бороться. Я просто хочу сохранить Православие в чистоте». И это мирное непоколебимое стояние во Христе и в заповедях Его правды стало той твердыней, которую не сокрушили ни кара-

тельные органы, ни лживая атеистическая пропаганда. «Смрадный ветер», что, по словам поэта Максимилиана Волошина, тушил, «как свечи, жизни», оказался бессилён погасить пламя веры, любви и свободы.

О подвижниках XX столетия многое могут повествовать не только книги и очевидцы, чьи свидетельства для нас драгоценны, но и сама московская топография. Москва – удивительный город святых, великих поэтов, художников, зодчих, музыкантов, учёных. Пласты культурного слоя её многовековой памяти огромны. Они продолжают участвовать в нашей сегодняшней жизни, которая произрастает из них – и в слове, и в камне, и в знании. Тем более это относится к духовной преемственности, к передаче последующим поколениям эстафеты живой веры, любви и правды. Московские улицы и переулки откроют безмерно многое тому, кто готов видеть и внимать, кто осваивает город неспешным пешим шагом, зрением, слухом и сердцем...

Одно из старейших и красивейших мест Москвы – Ивановская горка. Ещё в XIV в., когда столица не шагнула за пределы Китай-города, здесь, где сегодня самое сердце Центрального округа, на много вёрст кругом простирались густые леса. Об этом говорят даже некоторые окрестные названия: церковь Всех Святых на Кулишках («кулишками» называли полянки, расчищенные от леса под строительство), церковь Свт. Николая в Кленниках (память о кленовой роще), Подсосенский переулок. Тогда же и построили здесь загородный великокняжеский дворец, первое «Царское Село» в нашей истории. Позже, когда появились новые, «дальние» подмосковные резиденции русских царей – Коломенское, Измайлово, Преображенское, Алексе-

о. Серафим Батюков

Церковь Всех святых на Кулишках

Церковь Свт. Николая в Кленниках на Маросейке

Свт. Алексий Мечёв

много. Но мы ограничимся небольшим пространством и несколькими человеческими судьбами.

Ивановская горка и её окрестности полны живой памяти о мучениках и исповедниках веры XX в. Сердцем московской православной жизни в 1920-е гг. стала церковь Свт. Николая в Кленниках на Маросейке. Её общину создал св. прав. старец Алексий Мечёв. После его смерти в 1923 г. общину возглавил сын,

Сщмч. Сергей Мечёв

впоследствии священномученик, Сергей Мечёв. В духовном общении и дружбе с ним пребывали священники Пётр Петриков и Андрей Эльбсон, служившие неподалёку, в храме Свт. Николая в Подкопаевском переулке. О. Пётр Петриков был расстрелян 27 сентября 1937 г., в день Воздвижения Креста Господня, на Бутовском полигоне и в 2000 г. канонизирован как сщмч. Пётр Подкопаевский.

Церковь Свт. Николая в Подкопаев

евское, – оно получило название Старые Сады. Память о нём хранит сегодня Старосадский переулок.

Подобно тектоническим пластам, легли на Ивановской горке пласты семи столетий. Они видны даже в архитектуре: храмы и палаты XVI–XVII вв., классицизм, ампир, модерн... О каждом из этих зданий и о том, что с ним связано, можно было бы говорить бесконечно

Поблизости, на Солянке, на месте дома №4, стояла церковь Свв. мчч., бессрр. и чудотворцев Кира и Иоанна. Она была построена в 1760-е гг. архитектором Карлом Бланком. В конце 1920-х этот храм наряду с храмами Свт. Николая на Маросейке и в Подкопаевском переулке вошёл в число московских «непоминающих» церквей, где не признавали указ о поминовении на литургии боготорческих властей и поминали ссыльных архиереев. Настоятелем его был архим. Серафим Батюков. В 1928 г. он покинул храм и перешёл на нелегальное положение – служил в домашней катакомбной церкви в Сергиевом Посаде (тогда Загорск) до самой своей кончины в 1942 г. Его пастырское служение – одна из самых славных страниц в истории Русской Церкви XX в.

С храмом Свв. Кира и Иоанна также связаны имена и других замечательных исповедников христианства в эпоху гонений – о. Иеракса Бочарова, о. Алексия Козлова, о. Владимира Кривоулицкого...

Есть на Ивановской горке место, где сходятся три переулка, словно образуя собой треугольную площадь, – Малый Ивановский пер., Старосадский пер. и ул. Забелина (бывший Большой Ивановский пер.). Поднимемся вверх от Солянки по ул. Забелина, названной в честь выдающегося русского историка, автора книги «История города Москвы», одного из основателей и первого директора Исторического музея Ивана Егоровича Забелина. Пойдём по левой её стороне...

Чтобы по-настоящему узнать Москву, надо заходить во все арки и дворы, заглядывать за все углы. Почти всякий раз открывается что-нибудь новое и доселе неведомое. Заглянем и мы на нашем пути по ул. Забелина в небольшой закоулок налево. Повернув в маленький скверик, мы увидим памятник великому поэту, имя которого вошло в мартиролог русской и мировой литературы, но особенно – в мартиролог страшного XX столетия...

*Век мой, зверь мой, кто сумеет
Заглянуть в твои зрачки
И своею кровью склеит
Двух столетий позвонки?*

Ответом на этот вопрос стали жизнь, смерть и слово самого Осипа Мандельштама. Поэту суждено

Церковь Свв. мчч., бесср. и чудотворцев Кира и Иоанна (снесена)

было претерпеть мученичество, сполна заплатить за пророческий дар.

В своих прозрениях поэты очень часто опережают философов и учёных. Ещё задолго до того, как один из величайших русских мыслителей XX в. – Николай Бердяев создаст философию христианского персонализма, где высшей, сущностной ценностью во Христе провозгласит каждую человеческую личность, что коренится в самом духе Евангелия, восемнадцатилетний Мандельштам напишет стихотворение, в котором эта философия уже провидится и содержится:

*Дано мне тело – что мне делать с ним,
Таким единым и таким моим?*

*За радость тихую дышать и жить
Кого, скажите, мне благодарить?*

*Я и садовник, я же и цветок.
В темнице мира я не одинок.*

*На стёкла вечности уже легло
Моё дыхание, моё тепло.*

*Запечатлеется на нём узор,
Неузнаваемый с недавних пор.*

*Пушай мгновения стекает муть.
Узора милого не зачеркнуть.*

Поэт очень рано осмыслил, что он – навсегда, и понял, Кого за это благодарить. Христианство для него было сердцевиной бытия и корнем мировой культуры. «...Каждый культурный человек христианин», – писал он. Богочеловеческие отношения во Христе Мандельштам уподоблял радостной игре Отца с детьми.

*И Евхаристия, как вечный полдень, длится –
Все причащаются, играют и поют,
И на виду у всех божественный сосуд
Неисчерпаемым веселием струится.*

В годы, когда коммунистический режим провозгласил «пятилетку безбожия» и верующим была объявлена война на уничтожение, когда вера искоренялась насильем и ложью, когда главный лодоед заявил, что через пять лет на территории СССР забудут имя Бога, Мандельштам пишет стихотворение «Ламарк». Оно связано с памятью великого французского учёного-эволюциониста (Мандельштам интересовался тогда проблемами теории эволюции). Каждым своим словом это стихотворение противостоит убогой и бездарной концепции атеизма, отрицающего Творца и бессмертия, а значит – и самый смысл жизни, творчества и высшую ценность человека.

*Если всё живое лишь пометка
За короткий выморочный день,
На подвижной лестнице Ламарка
Я займу последнюю ступень.*

*К кольцецам спущусь и к усоногим,
Прошуршав среди ящериц и змей,*

*По упругим сходям, по излогам
Сокращусь, исчезну, как протей.*

*Роговую мантию надену,
От горячей крови откажусь,
Обрасту присосками и в пену
Океана завитком вопьюсь.*

*Мы прошли разряды насекомых
С наливными рюмочками глаз.
Он сказал: «Природа вся в разломах,
Зренья нет, – ты зришь в последний раз».*

*Он сказал: «Довольно полнозвучья,
Ты напрасно Моцарта любил,
Наступает глухота научья,
Здесь провал сильнее наших сил».*

Мандельштам говорил жене: «Стихи – самое серьёзное дело. За них у нас убивают». Но тем, кто сгубил поэта в ГУЛаге, оказалось не по силам угасить свет, который несёт его слово.

Среди мандельштамовских стихов воронежского цикла есть такое, горестно-шутейное:

*Это какая улица?
Улица Мандельштама.
Что за фамилия чортова –
Как её ни вывёртывай,
Криво звучит, а не прямо.*

*Мало в нём было линейного,
Права он не был лилейного,
И потому эта улица
Или, верней, эта яма
Так и зовётся по имени
Этого Мандельштама.*

Улицы Мандельштама нет на карте Москвы. Но она неизменно есть на карте русской поэзии. И эта улица, если вспомнить финал великого фильма Тенгиза Абуладзе «Покаяние», ведёт к храму.

Памятник поэту поставлен неподалёку от дома № 10 по Старосадскому переулку, где Мандельштам с «нищенкой-подругой» жил в коммунальном углу вместе с семьёй своего брата Александра Эмильевича. Автором памятника Мандельштаму стал известный скульптор Дмитрий Михайлович Шик-Шаховской (в соавторстве с Еленой Мунц), по неслучайному совпадению – сын расстрелянного в Бутове священника Михаила Шика.

Михаил Владимирович Шик родился в 1887 г. в семье богатого еврейского коммерсанта, почётного гражданина Москвы Владимира (Вольфа) Мироновича Шика. Образование получил в пятой московской гимназии (одной из лучших и самых «интели-

Памятник Мандельштаму на ул. Забелина

гентных» в Москве), где учился вместе с будущим художником Владимиром Фаворским, сыном В.Д. Поленова Дмитрием, впоследствии директором музея-усадьбы Поленово, и сыном В.И. Вернадского Георгием, ставшим позже известным историком. Дружба со многими из гимназических товарищей продолжалась у о. Михаила всю жизнь.

После гимназии Михаил Шик учился на историко-филологическом отделении Московского университета, которое окончил в 1912 г. по двум кафедрам – всеобщей истории и философии. Кроме того, он прослушал курс философии во Фрайбургском университете. Уже в те годы от твёрдо решил, что примет христианство, и видел в православии путь наиболее полного самораскрытия личности. Переведённая им ещё в 1910 г. книга знаменитого американского психолога У. Джеймса «Многообразие религиозного опыта» стала бестселлером среди интеллигентной и духовно ищущей молодёжи тех лет.

В Первую мировую войну Михаил Шик служит в армии – сначала, по болезни, в нестроевых, затем в действующих инженерных частях. Став очевидцем событий 1917 г., он пишет в одном из писем: «Большевики – они ломают армию».

После октябрьского переворота унтер-офицер Михаил Шик едет на Дон, к атаману Каледину, чтобы примкнуть к Белому движению. Он говорил, что в такое время нейтральными могут быть только Пилаты. Но на Дону вступить в ряды добровольцев не получилось.

В июле 1918 г. Михаил Шик приехал в Киев, где и принял крещение. Крёстными его стали художник Владимир Фаворский и Варвара Малахиева-Мирович, вместе с которой он переводил книгу У. Джеймса. Своим святым покровителем Михаил Владимирович выбрал князя Михаила Черниговского, замученного в Орде за отказ выполнять языческие обряды. Видимо, уже тогда провиделось им собственное будущее мученичество за Христа.

В том же году Михаил Шик женится на Наталье Дмитриевне Шаховской, которую знал ещё со студенческих лет. Семья поселяется в Сергиевом Посаде. Михаил Владимирович работает в возглавляемой о. Павлом Флоренским Комиссии по охране памятников Троице-Сергиевой Лавры, составляет путеводитель по монастырским достопримечательностям, пишет статьи «Колокольня и колокола» и «Митрополичьи покои» для сборника «Троице-Сергиева Лавра», изданного в 1919 г. Во время варварской кампании большевиков по «вскрытию мощей» вместе с о. Павлом Флоренским, Ю.А. Олсуфьевым и С.П. Мансуровым (также будущими священниками) Михаил Шик участвует в спасении от надругательства главы прп. Сергия Радонежского.

Будучи любимым духовным чадом старца Алексия (Соловьёва) из Зосимовой пустыни, ныне почитаемого как преподобного, Михаил Владимирович получил от него благословение на принятие сана. В 1925 г. он был рукоположен в дьяконы Патриаршим Местоблюстителем митр. Петром (Полянским).

Живший тогда в Сергиевом Посаде И.Э. Бабель, мудрый «совопросник века сего» и гениальный мастер слова, по взглядам, однако, являвший полную противоположность о. Михаилу и не пощаждённый позже теми, кого он считал своими единомышленниками, сообщал среди прочего в письме к Т.В. Ивановой от 16.06.1925 г.: «Ещё новости. (...) Шик, еврей-выкест, живущий насупротив, рукоположен во священники, он сменил полукафтан на рясу и ходит во всамделишной рясе с клюкою...»

Вскоре после рукоположения Михаила Шика арестовывают и на два года ссылают в Среднюю Азию, в г. Турткуль. Там в 1927 г. он был рукоположен в священники ссыльным архиеп. Таврическим и Симферопольским Никодимом (Кротковым), будущим священномучеником. Начало священнического и крестного пути у о. Михаила совпало.

Вернувшись в Москву в 1928 г., о. Михаил служил в различных храмах, нередко – в церкви Свт. Николая в Кленниках на Маросейке. Общине о. Сергия Мечёва и ему самому о. Михаил был духовно близок.

Позже он переехал с семьёй в Малоярославец, где служил тайно, у себя дома. Из Москвы к нему на исповедь и богослужения приезжали его духовные дети.

Среди них была великая пианистка М.В. Юдина. По воспоминаниям очевидцев, о. Михаил служил всегда необычайно вдохновенно, пламенно, с полной самоотдачей.

В феврале 1937 г. о. Михаил был арестован. В том же году, 27 сентября, в Праздник Воздвижения Креста Господня, по приговору «тройки» о. Михаил расстреляли в Бутове вместе с его другом свящ. Сергеем Сидоровым и еп. Арсением (Жадановским). С августа 1937-го по октябрь 1938 г. на этом полигоне было расстреляно более 20 тыс. человек, в т.ч. и более 400 священнослужителей.

Последним храмом в Москве, где служил о. Михаил Шик, стала церковь Свт. Николая у Соломенной Сторожки. С ней же связана судьба другого священномученика, сослужившего там о. Михаилу. Связана эта судьба и с Ивановской горкой.

Окончание следует

Церковь Свт. Николая у Соломенной Сторожки